

18+

КАК ТЕБЯ ЗАБЫТЬ

ЗА 15 ДНЕЙ

ДМИТРИЙ ЗАВАДСКИЙ



Дмитрий Завадский

Как тебя забыть за 15 дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51847431

ISBN 9785449851819

Аннотация

Однажды ты можешь столкнуться с тем, что любимый человек уйдет. На тебя обрушится неминуемый град потрясений, разочарований, боли, страха. Но ты знаешь, что тебе нужно пережить все это, нужно двигаться дальше. Только как, когда на это нет сил? Шаг за шагом, поэтапно, я поделюсь своей реальной историей о том, как мне пришлось переживать свою потерю. Я себе отвел на то, чтобы забыть человека, пятнадцать книжных дней. Надеюсь, что с моей историей тебе станет существенно легче пережить свою.

Содержание

Предисловие	5
День первый	7
День второй	13
День третий	21
День четвертый	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Как тебя забыть за 15 дней

Дмитрий Завадский

Дизайнер обложки Виолетта Ревазовна Читая

© Дмитрий Завадский, 2020

© Виолетта Ревазовна Читая, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5181-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я посвящаю эту небольшую книгу своей милой девчужке, в честь наших отношений, которые не смогли увенчаться успехом. Некоторое из того, о чем я буду писать, не должно было быть здесь, ты уж извини меня за это, просто по-другому я не смог.

Я не хочу тебя вернуть. Не хочу. И не хочу, чтобы этот текст каким-то образом задел тебя и обидел настолько, что ты не сможешь меня простить. Я хочу всего лишь отдать должное этим отношениям, хочу высвободить свои мысли, эмоции, мне от них стало слишком тяжело.

День за днем, главу за главой, страницу за страницей, я буду выжигать тебя из своей памяти, вырывать все то, что стало мне родным. Буду пытаться не жалеть о том, что мне приходится это делать. Я знаю, что нам обоим было плохо, и не раз. И эти строки говорят о том, что я готов все окончательно разрушить, убавить свою чувствительность к этому до бесчувственности.

Эта книга будет холодной, как огонь, и жаркой, как лед. Когда будет нужно, чтобы она тебя согрела, она тебя еще больше обложит льдом, а когда ты захочешь, чтобы она тебя остудила, она обожжет.

Это будет очень честная и правдивая книга, где я представлю пред тобой, хотя бы один раз полностью открытым,

не скрывая ни малейший факт, ни самое незначительное событие, ни одну самую быструю, короткую и плохую мысль.

Ты не смогла не уйти, а я не смог не написать об этом.

Я тебя простил, и ты меня прости, ладно?

День первый

Мне кажется, что это будет мой самый тяжелый текст.

Я не мог писать первые несколько дней. Признаюсь честно – не было сил. Сколько я думал о том, что произошло, почему все повторилось, почему ты решила уйти, почему я такой неисправимый и невыносимый – сложно себе представить. Меня терзали всякие разные мысли, от плохих, до очень плохих. И когда я чувствовал, что мне становится невыносимо больно, я, не глядя на время, шел спать. Мне немного повезло, что у меня график на работе скользящий, и такая возможность впасть в спячку предоставлялась регулярно.

Знаешь, я стал больше ссориться по пустякам со всеми. И больше всего молчал. Молчал, копил все в себе, как пороховая бочка, был готов взорваться в любой момент, и даже взрывался. К счастью, у меня хватило сил собираться и идти дальше.

Я ехал по этим брестским улочкам, смотрел на красивые светящиеся вывески на зданиях, наблюдал за людьми, спешащими, по всей видимости, домой, и вел непринужденную беседу. Надо сказать, этот парень водит свое авто очень умело, я так точно не смогу. Но так же умело построить диалог не получалось. Все говоришь о посредственном и том, что никакого отношения не имеет к тому, что у меня происхо-

дит внутри: о каких-то машинах и железяках к ним, в коих я не разбираюсь даже на чуть-чуть, о работе в Польше, о ма-тушке-России и как в ней жить – обо всем, что никоим об-разом не касалось бы личных отношений.

Эта холодная и унылая зима, практически без снега при-шедшая в этот город, не добавляла никакой пикантности или чего-то такого, чтобы я мог пострадать со вкусом. Знаешь, раньше меня куда больше заботило то, что люди обо мне по-думают, что они скажут, как я буду выглядеть в их глазах и как мне поправить свое положение. Я хотел не дружить и быть другом – это мое любимое. Звучит более правдиво, чем странно, на самом-то деле. Наверное, если до этих строк доберется кто-то из моего временного окружения за все эти годы, особенно из числа парней, то со мной перестанут даже здороваться. Люди у нас такие, тебе ли не знать. И мне сей-час совершенно неважно, пусть от меня отвернутся хоть все, потому что я сам закрылся, сам спрятался, не хочу никого к себе подпускать близко. И отчасти в этом виновата ты, ко-нечно.

На самом деле я хотел начать писать еще вчера, но не смог. У меня совершенно не осталось на это времени. Все мое дневное время занимает университет, а вечером мне хочет-ся просто отдохнуть, снять напряжение в мозгах просмот-рами каких-нибудь бесполезных телепередач и неумелой го-товкой макарон. Я бы и не смотрел этот телевизор, наверное, но в этой тесной квартирке больше ничего нет, чем можно

было бы заняться, интернета нет, то есть. Даже жутко осознавать, что теперь и у меня понятие «есть все» помещается лишь в наличие безлимитного интернета. Я тебе не раз говорил о том, что люди с появлением и глобальным распространением прогресса деградируют. Человек в принципе теряет все, что он умеет, все навыки, все знания, за него думает и решает интернет и поисковые системы. Человек стал заниматься рутинной работой, ну или любой другой, не приносящей пользы на самом-то деле, только лишь для того, чтобы обогатить корпорации и позволить им выделять каждому человеку скудное жалованье, привязывающее его навеки к этой работе. Но ты не стала бы выслушивать это «нравовучения», как ты их называла, сейчас, это я понимаю. У тебя другой мир, другие стремления, другие приоритеты. Ты не раз говорила, что мы совершенно из разных миров. Знаешь, я до сих пор этого так и не понял, потому что не вижу никакого другого мира. Для меня он по-прежнему один, огромный, неизведанный, таинственный, но все же он один, и люди в нем живут по давно известному сценарию.

Я в какие-то моменты стал скучать по твоему пению, которое меня часто раздражало. Я с большим огорчением осознал тот факт, что ты оставила свой след везде. О чем бы я ни подумал, куда бы я ни глянул, практически везде есть частичка тебя. Знаешь, если бы у нас было все хорошо, это можно было бы счесть за действительно стоящий комплимент, но при сегодняшнем раскладе, когда ты ушла, это как

дополнительный камень на шею.

Тобой пахнут другие девушки. Они проходят мимо или стоят в коридорах, и я улавливаю этот запах. Он мне нравится. Он всегда мне нравился. Со стороны, наверное, можно не понять того, что я инстинктивно на какое-то незначительное расстояние сближаюсь с предполагаемой тобой в лице другой девушки. Поворачиваю вслед за девушкой свой нос, втягиваю этот пока что еще родной и любимый запах и говорю себе: похоже на тебя, очень похоже.

Я помню, что ты постоянно ревновала к тому, что я осматриваю других девушек с головы до ног, и более всего задерживаюсь на их ягодицах. Я так и не смог тебе объяснить, что тяжело не смотреть на то, что перед твоим носом вываливаются. Да и природа мужская такая, к сожалению. Но что я понял: то, что входит в мой внутренний мир, что видят мои глаза, что познает мое осознание, не может меня характеризовать, как личность. Меня может характеризовать только то, как я на это реагирую и что делаю с этим приходящим дальше. Я не хочу этих девушек. Я не думаю о том, что мне хотелось бы с ними чего-нибудь попробовать в сексе только из-за того, что у них маняще-красивые ягодицы. Оценивать – оцениваю, но не более того. К счастью, сейчас холодно, девушки ходят примерно, как кочаны капусты. Ты знаешь, что я очень негативно отношусь к тому, что девушки оголяются. Мне это не нравится по соображениям нравственности. А то, что я мужчина, нормальный мужчина, и мне нравится жен-

ское тело – так что в этом плохого? Что плохого в том, что я не с отклонениями, как те, которые принадлежат к нетрадиционной ориентации? Я так тебе и не смог объяснить. И когда говорил тебе о том, что ты не уверена в себе, я ошибался. Это было не так уж и важно в этом вопросе. Был другой факт, более значимый и важный – ты была не уверена во мне! Я не знаю, почему я упустил это из виду. Хотя, может быть потому, что я ничего не мог с этим поделать. Человека, постоянно ищущего повод для недоверия, невозможно «законсервировать», заставить его всецело мне поверить и сохранить это свойство.

Я очень часто вспоминаю те дни, когда мы только-только познакомились. То время было хорошим, конечно, хоть я уже и чувствовал какой-то подвох в этих отношениях. Наверное, я понимал каким-то тайным чувством, что ни к чему хорошему это не приведет. Но, знаешь, я буду благодарен тебе за многие вещи, которые произошли со мной, благодаря тебе. И в очередной раз я обрасту новым, закаленным панцирем, как того требует жизнь. Снова обрасту им, чтобы в очередной раз доверчиво и слепо его снять.

Я обещал себе писать ровно пятнадцать дней, ни днем больше, ни днем меньше. Я не раскрою ни одной нашей тайны, которая могла бы хоть как-то отразиться на тебе, не беспокойся. Ты знаешь, как я отношусь к тому, что происходит между двумя людьми: это строжайшая и прекрасная тайна. Но нас уже нет, и ты меня предала. Мне почему-то очень

часто вспоминается фраза: слово, данное предателю, ничего не стоит. Какой-то частью этой формулировки я точно воспользуюсь, потому что мне больно. Что-то личное выложить придется, увы.

Каждый день я вынужден испытывать что-то колющее и режущее внутри, что-то жгучее и ноющее, будто бы не заживающее, а прогрессирующее. И тебе, стало быть, тоже нелегко. Но кто в этом виноват? У нас все могло получиться. Но, как любят говорить, не сошлись характерами. А если быть еще более честным и точным: не любим мы любить. Не хотим и не умеем.

Когда я это опубликую, надеюсь, что мне будет совершенно не больно. Я на это отвел себе ровно пятнадцать дней.

День второй

Меня одолевает депрессия. Она намного сильнее, чем большинство из тех, которые я испытывал. Она никак себя не проявляла это время фактически, мне просто было больно, грустно и плохо. Сейчас же я чувствую нечто такое, что подкрадывается ко мне откуда-то изнутри, будто бы из яйца вот-вот вылупится цыпленок, разломав скорлупу. Для меня же разломать скорлупу – недопустимо. Если это произойдет, об этом я буду жалеть очень долго и очень много.

Я начинаю срываться по мелочам. Не могу спокойно сидеть в аудитории. На меня начинает давить общество, хотя оно меня, казалось бы, целенаправленно вообще не трогает. Меня выводит из себя то, что в аудитории люди садятся рядом и, не соблюдая дистанции, вымазывают мои джинсы или куртку ногами. Меня начинает злить, что они даже не извиняются, мол, это так и должно быть. Меня начинает напрягать шум в аудитории, когда я пытаюсь сосредоточиться на предмете, акцентировать все внимание на голосе преподавателя, но не могу этого сделать, потому что рядом, сзади или спереди сидят люди, которые не стесняются и не боятся разговаривать больше, чем шепотом. Их речь звучит вполголоса, преподаватель, полагаю, слышит это меньше, чем я, но ничего не говорит. Я не знаю, это слабохарактерность преподавателя или нет. Наверное, да. В любом случае, я ощу-

щая, как люди наглеют. Почему они не ведут себя так на тех дисциплинах, где их при всей аудитории так опустят морально за это наглое поведение, что им больше не захочется вообще открывать рот до обеда следующего дня?! Люди не чувствуют такт, они не ведут себя воспитанно, потому что воспитания у них нет. Люди понимают только язык силы и власти, они слушают и подчиняются, если на них оказывают давление. Если на них давление не оказывать, то они ведут себя естественно – как свиньи. Я, например, не позволяю себе во время лекции так разговаривать. Если я и хочу что-то сказать, то говорю шепотом, чтобы преподаватель не тратил время на замечание мне, чтобы я не краснел потом из-за того, что я невоспитанный, и чтобы я не мешал тем, кто пришел почерпнуть информацию и знания.

Всех не научишь. Хоть ты тресни. Тут бы хоть себя обучить... Нужно быть устойчивым и восприимчивым, только и всего – это единственный выход. Ну а сейчас у меня, кажется, нет вообще никаких сил, чтобы держать себя в руках. Если они и есть, то мне кажется, что они вот-вот закончатся.

Я скучаю. Скучаю по хорошему отношению к себе, по тем мелочам, которые доставляли мне радость и чувство защищенности. Мне не хватает чувства того, что я нужен. Мне не хватает звонков, пусть и мимолетных, пусть это всего будет несколько минут за день, но это даст мне силы держать себя в руках. Каждому человеку нужен надежный тыл, и мой тыл – это ты. Вернее, это уже бездонная пустота.

Наблюдал за людьми, когда ехал в автобусе. Честное слово, это же какое-то поколение зомби! Куда ни глянь, если человек в районе шестнадцати-тридцати лет, он наверняка будет занят своим телефоном. Вокруг просто толпы, прикованных взглядом к экрану. Это похоже на инвалидность. Возникает чувство, что человек не может покинуть свое инвалидное кресло из-за немощности. Коммуникации уже управляют людьми. Их разум и сознание формируется в условиях этого жестокого зомбирования, где люди нужны лишь для того, чтобы содержать сильных мира сего. И от этого страдают не только они сами, от этого страдают и те, кто возле них находится, кто понимает, что к чему происходит. Множество людей, служащих этим бездушным коммуникациям, создают рынок труда. Таким образом, перераспределяется рыночная цена услуг и товаров. И даже тот человек, который понимает, что большинство вокруг – это ненужное, должен производить эти самые ненужные услуги, чтобы с помощью них обеспечить удовлетворение своих потребностей, зачастую и тех, которые мало чем отличаются от потребностей зомби. Потому что человек ломается. Человеку очень трудно быть не таким, как все. Если ты выбиваешься из колеи, то, при слабой силе воли и малых материальных возможностях, точно погибаешь. Разума недостаточно, нужна сила, нужно умение подстраиваться под любые обстоятельства, не отступая от своей идеологии. Нужно постоянно находить баланс между собой и окружающим миром, использовать его так,

как тебе нужно. Это умеют немногие. Если это вызывает сомнение, зайдите в час пик в автобус или троллейбус. За полчаса здорового и полезного опыта, вы успеете заметить много вещей, если вы отложите телефон в карман и посмотрите на тех, кто вас окружает. Вам станет страшновато. Среди этих безобразно усталых и угрюмых лиц позитив найти получится лишь в бестолковых подростках. Наверняка в этом автобусе будет кем-то вонять. Кто-то не следит за собой, кто-то просто уже очень стар и мочится в штаны. И вам нужно это молча терпеть, потому что следующий автобус или троллейбус через полчаса, и пропусти вы этот, никуда не успеете. Но даже если вы возьмете на себя все риски опоздания, следующий рейс ничего не исправит. И последующий тоже. Никакой не исправит, везде все одно и то же. И мне жаль тех людей, кто мочится в штаны. Им и так достается от жизни. Но и вы рядом с ними счастливы быть не можете, по крайней мере, не умеете. Это если об этом думать, если это замечать. Пока вы озабочены только собой, и пока кто-то эту заботу использует в своих корыстных целях против вас самих же, эти мысли вам не откроются. Люди отрываются от действительности. Живя в грязи они даже не замечают грязь. И что сказать-то – свинья вообще не понимает, что она свинья. Ей комфортно, ей нормально, значит, и всем нормально. Более того, свинья даже не задумывается о том, что это может быть в принципе ненормальным. У многих людей нет таланта к определенным сферам деятельности, например, к пре-

подаванию высшей математики или созданию сайтов. У гораздо большего же количества людей нет таланта к осознанию того, где они живут и что действительно происходит.

Многих людей не касается то, что я могу заметить. Да хотя бы потому, что они не ездят в автобусе или троллейбусе. Они если и окажутся в нем, то их совершенно не беспокоит все, что там происходит, поскольку они вернутся в свою красивую добротную квартиру, отделанную по последним инновациям. Многие не понимают этих безвкусных реалий жизни, потому что они не бедны и относительно подстрахованы на день завтрашний. Хотя это и очень ненадежно, но все же.

Я стоял на пешеходном переходе и вдруг представил тот самый несчастный случай, когда кто-то, едущий по проспекту, не справляется с управлением и сбивает людей, как кегли. Или кто-то едет на большущем рабочем МАЗе, не справляется с управлением и лоб в лоб таранит ваш автомобиль, который после удара не будет подлежать восстановлению. Вместе с вами, разумеется. И что дальше? Вот сегодня ты здоровый и молодой, крепкий и безучастный, ветреный и позитивный. А завтра волей случая инвалид, и это в лучшем случае. Инвалид, который еще может здраво соображать. И что дальше? Сведется все к тому, что будет очень жаль тех бесцельно прожитых дней, когда еще был здоров и способен действовать. Нужно делать что-то стоящее, что-то такое, что останется после вас на память, и это что-то будет для души в первую очередь. Или найдите лекарство от рака. Или оно

уже есть, как вы считаете, только его скрывают? Так найдите и обнародуйте. Сделайте полезное. Пусть о вас не будет знать полмира, пусть о вас будут знать немногие, но сделайте хоть что-то, кроме удовлетворения своего эго, безжалостно подпитывающегося рекламой и пропагандой крупных корпораций. Я не понимаю этого покорного рабского существования. Должны же люди прозревать, и когда-то это должно стать модным и популярным, или это только действует для чего-то нехорошего?

Впрочем, как ты думаешь, а чем я занимался в автобусе большую часть времени? Верно, тем же, что и эти зомби.

Это жутко. Сейчас даже информации полезной становится все меньше и меньше. Я о той информации, которая помогает человеку стать духовно богаче. Я вижу много талантливых людей, людей интеллектуально сложенных на высоком уровне, их способности превышают мои, но мне искренне жаль, что люди эти способности и не думают использовать во благо. Во благо себе хотя бы, в первую очередь.

Меня стал еще больше раздражать мат. Люди ругаются везде, везде, где они есть. Их не останавливает ничего. Никакие стены (они ведь тоже могут слышать) их не страшат, я понимаю, что при удивлении или расстройстве они и в храме начнут материться, хоть шепотом, но начнут. Меня злит, что я сейчас заболел и не могу быть полностью готовым к обороне. Меня со всех сторон пичкают этой матерщиной, это прочно оседает в голове, и порой нехорошие слова и у меня

начинают вырываться. Я себя каждый раз останавливаю, напоминаю себе, что только что сделал то, за что корю остальных. Трудно противостоять обществу и его плохим повадкам, находясь львиную долю времени с ними.

Я начинаю любить одиночество. Я хочу общения, но не с такими людьми. Я хочу чего-то светлого. Я не готов им подавать пример, поскольку еще не окреп сам. Сейчас я сам нуждаюсь в реабилитации.

Ты бы снова выслушивала все то, что я пишу, в этой телефонной трубке, наверное, то и дело противясь этому. Представляю, насколько я тебя достал тем, что происходит у меня внутри. Веришь или нет, но я и сам устал от себя. Я устал от того, что я не твердый, как камень, устал от того, что часто надламываюсь и начинаю все сначала. Но точно знаю, что бороться я не перестану. Как тебе и обещал, буду меняться, крепчать, закаляться. Но не ради тебя, ради себя. Ради тебя я должен был делать то, что тебе доставляло бы радость, а это были уж совсем простые вещи – не грубить тебе и показывать свою... Любовь? Самое время задаваться вопросом, а была ли любовь вообще? А что было, если ее не было?

Но я не хочу об этом думать. Что-то было и все на этом. И этого было много, через край. Видишь, ты ушла, а я все никак не могу вычерпнуть то, что ты во мне оставила, все то, что нажито совместными трудом, горем, радостью и болью. Но у меня еще есть целых тринадцать дней, чтобы справиться с этим, чтобы забыть тебя, чтобы привести себя в поряд-

док. А пока...

Я думаю о тебе. Много думаю. Мне тебя не хватает.

День третий

Главное – не звонить тебе, не писать тебе. Нужно во что бы то ни стало отказаться от этого, но если бы ты только знала, как мне хочется это сделать! Честно, мне вообще не хочется ничего выяснять, спорить, что-то доказывать, переубеждать. Мне просто хочется услышать твой голос, услышать несколько банальных и привычных вопросов, даже послушать твое молчание хотя бы несколько минут, молчание, которое я раньше терпеть не мог. Мне кажется, что все вокруг начинает меняться, и более того меняется мое отношение к некоторым вещам. То, что я раньше не любил, сейчас мне необходимо, и, наверное, получив это, я бы назвал это кусочком счастья.

Я помню нашу первую встречу. Ты еще немного меня стеснялась и не понимала, как себя вести. Но уже тогда я почувствовал твой позитив, с тобой было очень легко общаться и дружить. И в то же время мне приходила в голову мысль о том, что все произойдет так, как и во всех моих предыдущих историях. Какой-то страх заново наступать на одни и те же грабли только увеличивается со временем. Конечно, страсть изначально берет верх. Но память даст о себе знать, когда страсть поутихнет.

Я даже не знаю, как такое возможно, но чтобы мы с тобой встретились в этом маленьком городе, и оказалось так, что

ты придумала название ко второй моей книге, а я об этом и не подозревал, трудно себе представить. А еще, как оказалось, ты пишешь книги. Не такие, как у меня, конечно, но ты тоже занимаешься этим делом. Надо отметить, меня всегда привлекала твоя манера письма, у тебя в твоём жанре много получилось бы, особенно потому, что ты не ленивая. Какое-то время этот знак судьбы мне подсказывал, что в моей жизни ты неспроста появилась, и меня что-то с тобой точно ждёт. Но я и не представлял, сколько меня ожидает боли.

Со временем я стал замечать, что ты пишешь все меньше и меньше. И я себя корил за это. Я ведь прекрасно знаю, как устроена душа писателя – если ее часто обижать, она замыкается в себе, и из нее не вытянешь ни слова. И когда писатель садится писать, пытаясь преодолеть свое нежелание, обиды, у него ничего не получается. Он пишет один-два абзаца и на этом все. Будто бы какая-то стена возникает между ним и его ремеслом. Писать нельзя научиться. Писать – это великий дар. Конечно, написать книгу может абсолютно любой человек, но чтобы при этом она была живая, чтобы ее хотелось прочесть самому несколько раз, получится только у одаренных. И, знаешь, как я себя чувствовал и сейчас чувствую, когда понимаю, что тем самым фактором со стороны, из-за которого ты не можешь писать, стал я? Это отвратительное чувство. В такие моменты даже хотелось, чтобы нашей встречи вообще не было, чтобы я не был виновником всех этих бед. Но мы с тобой встретились, а значит, так

было надо.

Наверное, ты не хотела принимать тот факт, что я очень ранимый и восприимчивый человек. Думаешь, я просто так легко выхожу из себя и начинаю говорить жестокие и неприятные вещи? Наверное, я так маскирую свои обиды, маскирую свой страх, маскирую свою боязнь не справиться с поставленными собой же задачами. Но, ко всему прочему, я действительно не очень хороший человек. Когда ты мне сказала, что я хуже, чем средний, если разделить людей на средних, плохих и хороших, я понял, что отчасти ты точно права. Но меня это очень обидело. Еще бы не обидело! Ведь ты же меня любишь за что-то. Неужели за то, что я хуже среднего? И когда я задаюсь таким вопросом, то вспоминаю, сколько всего сам наговорил тебе. Знаешь, чего мне не хватало? Мне не хватало элементарной поддержки, не хватало того, что ты могла бы меня остановить, что-нибудь придумать, схитрить в конце концов, но ты лишь молчала. А меня твое молчание, как я уже говорил, злило невероятно. Вот так и выходило, что я тебе что-то начинал говорить, инстинктивно ждал, что ты примешь в этом какое-то участие, что ты поможешь это все побыстрее закончить, но ты лишь обижалась и молчала. Наверное, тоже задавалась вопросом: если он себя так ведет, то неужели меня любит? А я ведь тебе объяснял свое поведение, свои мысли, я ведь даже просил тебя о том, чтобы ты мне помогла. Но ты вновь и вновь молчала. Это и было одним из главных неудобств и разочарований для меня, ведь я

просто не понимал, почему тебе так сложно перестать обижаться и начать делать то, что нам двоим пойдет на пользу? Ведь я бы меньше выходил из себя, ссоры с твоей помощью заходили бы в тупик, и ты бы меньше выслушивала всяких гадостей. А сейчас я уже понимаю, что есть такие люди, которых не изменить. Есть такие женщины, которым на голове хоть кол тещи, они все равно не будут думать так, как ты им пытаешься объяснить. Ты, вдобавок ко всему, еще очень молода, поэтому на твоей голове кол тесать вдвойне бесполезно, ты не изменишься. Но я тебе не раз говорил о том, что ты еще пожалеешь о том, что так себя ведешь, пожалеешь еще не раз и после отношений со мной, и в других отношениях.

Я помню, как мы с тобой разговаривали по телефону. Да, я был невыносим. Ты могла слушать мою заносчивую и пафосную болтовню по полтора часа подряд. И я не скажу, что никто бы так не смог. Но для меня это было ценно. Было ценно потому, что я выговаривался. Я не могу просто посидеть и поплакать, все из себя выдавить, вылить, и с новыми силами отправиться вершить дела, как это делают женщины. Мне нужно говорить. Говорить много, долго и нудно. Такой уж я человек, так уж во мне все заложено. Странно, что ты этого не могла понять, хотя я тебе все объяснял. Хотя, я не раз слышал о том, что ты мне не веришь, что ты считаешь, что я оправдываюсь. Хотя, я действительно часто оправдывался.

И что ни говори, на определенных этапах мы были шикарной парой. Кто-то нам говорил, что мы похожи. Мне, ко-

нечно, так не казалось, но это было очень приятно. И, знаешь, у меня была удивительная возможность понаблюдать за женским поведением. Не могу сказать, что я в восторге, напротив. Женщины по природе своей очень жестоки. Я вообще не понимаю, почему говорят, что женщины – это слабый пол, и их нужно жалеть, уступать им во всем. Женщины не слабый пол. Я в этом уже окончательно убедился. И судя по тому, как тенденция управления видоизменяется, пополняя свои ряды этим самым слабым полом, многих мужчин ждут большие потрясения.

Иногда мне хочется просто забыть все. Все стереть и проснуться, будто бы ничего и не было. Что-то изнутри меня просто ест и не хочет останавливаться. Это даже не боль, это какое-то самопожирающее опустошение, распространяющееся по всем клеткам моего тела. Это будто бы ломка. Я начинаю замечать, что мне сейчас все равно, как я выгляжу. Я не хочу бриться, идти в душ, я вообще не хочу двигаться. Мне просто хочется весь день валяться и ничего при этом не делать. И в свободное время я так и делаю.

Я не хочу сказать, что люблю больше всех, что я о любви знаю нечто большее, что я люблю самоотверженнее и ярче, просто я люблю людей по-особенному. Когда представляю, как эту маленькую книжечку станет читать кто-то из тех, кто меня знает (я уже думал об этом), мне даже становится немного смешно. Уверен, если бы я сидел перед человеком этим, а он держал в руках эту книгу и читал, то

и дело на меня посматривая, картина получилась бы смешная. Представляю, как человек то и дело поднимает голову и смотрит на меня своими расширяющимися зрачками. Может быть, при этом он пожимает плечами и даже хочет покрутить у виска. И когда он отложит эту книгу, встанет со своего места и уйдет, следом за ним выйду я, и наше общение уже не будет таким, как прежде.

Я каждый день ношу маску. Я веду себя так, как людям будет удобно. Я не хочу рассказывать о своей жизни, делиться своими переживаниями и впечатлениями, риск остаться непонятым или даже осмеянным слишком высок. Так всегда бывает: выворачиваешь свою душу наизнанку, а потом от этого страдаешь. А через какое-то время тот, кто над тобой смеялся, уже сам испытывает нечто подобное.

Конечно я о тебе много думаю. И я боюсь, что буду думать о тебе еще не одну неделю. Мной действительно овладевает страх. И то, что я пишу, меня спасает. Мне становится легче. Пусть ненадолго, но легче. И стоит признаться в том, что я и завтра надену маску. Я не доверяю людям в принципе, и уж тем более не доверяю свои больные места кому-то. Я сам себе врач, сам себе помощник и сам себе советчик. И пусть мне снова и снова будет плохо, я останусь все тем же непрощаемым грубым бородачом-весельчаком. Хотя бы на этот сложный период.

День четвертый

Знаешь, если сравнить людей с животными, получается не очень приятное сходство в одном – в жестокости. Я почему-то стал вспоминать знакомство с котом твоей бабушки, с этим ленивым и толстым котом, на хвост которого я нечаянно наступил ночью. Я люблю животных, но всегда хочу подчинить их себе. Наверное, мне не стоит никогда заводить домашнее животное. Так вот, вспомнил я то, что дальше случилось с этим котом. Твоя бабушка взяла его на дачу, что она делала неоднократно, а потом он исчез. Я помню, как ты рассказывала об этом, как бабушка переживала, потому что она очень привязалась к нему. И спустя несколько дней ты мне поведала о том, что кота разорвали собаки. Какая ужасная смерть – эту фразу мы с тобой обсуждали какое-то время. Я не знаю, что чувствовал этот кот в момент, когда его разрывали острые зубы собак, но это очень жестоко.

Так заложено в природе: добывай себе пищу, убивая, защищай своих, убивая, убивай всех, кто тебе не нравится или представляет для тебя какую-то опасность. И, знаешь ли, такая жестокость процветает от самого начала мироздания. Мне кажется, что никто не заставляет человека быть жестоким. Жестокость – это осознанный выбор человека. И как бы не пытались себя оправдать люди, поддерживающие это качество, у них почти всегда был выбор, как поступить. Даже

на войне. Ты ведь можешь умереть, но не убить. Ты можешь попытаться убежать, но не убить. Я не говорю, что защищать себя – это неправильно или плохо, но ведь говорить, что у тебя нет выбора – это ложь. Выбор есть, просто варианты тебя не устраивают.

Я не сравниваю мужчин и женщин. Сейчас ведь ведется самая настоящая война с одной лишь целью – рассорить общество, посеять в нем неустройство, хаос. Женщины воюют против мужчин, мужчины против женщин. Женщины называют мужчин козлами и свято в это верят, а мужчины убеждены, что все женщины – это меркантильные потаскушки. Утрировано, конечно, но часть действительности в этом есть. Многие разговоры заходят в одной теме, а выливаются обязательно в сравнение. Например, если говорить о том, что есть проституция и это плохо, всегда кто-то вставит словечко о том, что эти услуги кому-то ведь нужны, иначе их бы не было. И веду я к тому, что моей целью не становится сравнение одних в пользу других. Я просто рассуждаю о женщинах, потому что это меня волнует, потому что они в моей жизни оказывали гораздо большее влияние, чем мужчины. У меня в несколько раз больше откровенных разговоров, обсуждений, рассуждений с женщинами. И что я выяснил для себя, так этот тот факт, что женщины очень жестоки. Очень. Как животные.

Я не раз задумывался о том, сколько раз ты ко мне отнеслась жестоко. И это было не единожды. В последнее время

я немного приболел, всем по чуть-чуть. И ты об этом знала. Иногда ты меня поддерживала, но по большому счету мне ничем помочь не могла. Я знаю, что если бы у тебя была та самая корзинка со здоровьем, ты бы мне из нее отсыпала, не жалея. Но хотел я совершенно не этого, мне не нужно было невозможное. Все, чего мне хотелось – это твоей лояльности, обыкновенной лояльности к тому, что я чаще положенного бывал несдержанным, резким и грубым. То, что я практически постоянно чувствовал себя отвратительно, сказывалось на моем поведении. И я тебе это пытался не раз объяснить, но все, что тебя волновало в тот момент, по крайней мере мне так казалось, это были твои обиды. Разве так сложно было относиться ко мне с пониманием? Тебя ведь абсолютно не волновало, наверное, как мне становится еще тяжелее, когда я слышу эту фразу: «Я больше не могу быть с тобой, я не люблю тебя и больше всего я хочу, чтобы ты меня отпустил». Мне очень интересно, как ты будешь себя чувствовать, когда будешь вспоминать эти свои слова.

Иногда мне хочется вспоминать как можно больше плохо-го, что ты успела сделать, чтобы это расставание мне не казалось потерей потерь. Я все еще пытаюсь составить полную картину того, что произошло между нами, мне хочется все расставить по местам, вынести для себя какой-то окончательный вывод, но этого не происходит. Слишком сложно. Я не знаю, как люди принимают решения спустя десяток-другой лет отношений. Мне за полтора года хватило всего, что-

бы я сейчас сидел и думал: почему так невыносимо грустно, почему так тяжело, почему два достаточно неглупых человека не смогли построить что-то прекрасное и крепкое?

Говорят, с каждой отношений выносишь какой-то опыт. Согласен. Но какую ценность имеет это оправдание? Действительно ли фраза о том, что я приобрел опыт, сможет перечеркнуть все те разочарования и опустошения, что постигли меня в результате разрыва? Ничего это фраза не перечеркивает, даже наоборот, это звучит жестоко. Знаешь, как будто устроился на работу, которая тебе не подошла, отработал там полтора года, сходил в отпуск и больше не вернулся, решил, что не твое это. Мы ведь живые люди, у нас сердца есть. Я тебе часть себя отдал, а ты мне. Это вообще никак обозначать не нужно, это останется так, как есть. Никакого опыта, только разбор полетов...

С тобой часто получалось летать, но не меньше того и падать. Бывает, проснешься утром с хорошим настроением и думаешь: вот все, сегодня никаких ссор, вот даже по мелочи. Если что-то будет не устраивать – отложу выяснение обстоятельств на завтра. И у меня получалось быть пайнкой несколько раз за все время, наверное. А для тебя это было главным показателем, как и для многих женщин. Все, чего вам нужно в этом современном мире – это какая-то гармония, какое-то отсутствие ссор и камней преткновения. Мне всегда тебе хотелось задавать вопрос – а достаточно ли ты хороша, чтобы претендовать на такие отношения? Насколь-

ко ты хорошо разбираешься в жизни, в людях, во мне, в том, что происходит между нами и как можно на это повлиять? Ответ был бы далеко не самым оптимистичным. Сколько раз я тебе пытался доказать, что ссора – это не показатель того, что у тебя плохие отношения? Сколько раз я объяснял, что конфликт интересов – это то, что тебя будет преследовать всю жизнь, и ты не сможешь вечно от этого бегать, тебе нужно будет что-то более действенное. От всего и всех не убежишь.

Помню, как мы сидели в машине и я пытался вытащить из тебя хотя бы несколько слов. Ты ужасно водишь авто. И я постоянно на тебя кричал, когда ты то со второстепенной выезжаешь на главную, не глядя по сторонам, то не можешь среагировать, когда я тебе говорю, что нужно свернуть, то заезжаешь на парковку и не сбрасываешь достаточно скорость, тормозишь и колесами ударяешься в бордюр. Меня жутко выводила из себя твоя езда. Особенно меня доводил тот факт, что ты не училась плавно тормозить. Сидишь себе спокойно, расслабился, и тут тебя несет вперед. Нет, не аварийная ситуация, ты просто остановилась перед светофором. Правда, ты научилась более-менее объезжать ямы, хоть что-то. Знаешь почему я на тебя кричал постоянно? Потому что ты столько раз могла попасть в аварию, что становилось одно понятно: если ты не станешь учиться и прислушиваться к советам, то авария – это лишь дело времени, постоянно ездить вот так удачно ты не сможешь. А ты прислушиваться

будто не хотела. У тебя сразу срабатывал режим обиды: ты либо надувалась, как шар, поджимала губы и молча сидела, смотрела в другую сторону, либо сразу же говорила что-то в ответ, наподобие «когда ты будешь сам за рулем ездить, посмотрим на тебя». Я об этом писал выше – люди не хотят почему-то рассуждать о том, где они предстают в невыгодном свете, у них будто бы появляется необходимость уравновесить себя с тем, кто им делает замечание. Сколько раз своими глупым обидками ты доводила меня до того, что я начинал не просто орать на тебя, но еще и обзывать. Наверное, этого не счесть. И каждый раз ты мне потом твердила о том, что я тебя постоянно оскорбляю, унижаю и ни во что не ставлю. Мне так и не удалось тебе доказать, что все это было лишь одной проблемой во взаимоотношениях: кое-кому нужно было изменить свое поведение. Есть некоторые вещи, с которыми не нужно смиряться. Вот скажи, если ты взрослый человек, и у тебя есть голова на плечах, то почему бы тебе ей не воспользоваться и не облегчить жизнь и мне, и себе? Неужели нужно было каждый раз доводить ситуации до скандала, но при этом так и не изменить себя ни на чуток?

Помню, как мы сидели у тебя дома и разговаривали о том, почему ты не меняешься. И я вспоминаю, как ты мне тогда уже предлагала расстаться, потому что ты считала, что ты вообще не можешь изменить себя. Ты соглашалась с тем, что ведешь себя неправильно, что это недопустимо, но тут же го-

ворила о том, что измениться – это выше твоих сил. И я просто старался не думать об этом абсурде, полагая, что эта возрастная дурь вот-вот пройдет. Но она не прошла. Я также понял, что изменить тебя все-таки возможно, но на это нужно будет положить половину своего здоровья, а потом все равно с тобой расстаться, поскольку, обучая тебя, невозможно тебя не возненавидеть. Ты очень упрямый и жестокий человек. Ты бросаешься какими угодно фразами, когда твое эго задето. Я же бросаюсь какими угодно фразами, когда сталкиваюсь с тем в человеке, чего быть в нем не должно, потому что у него есть разум и даже кое-какой объем практических и лекционных занятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.